

После завершения трансляции Лу Ияна не покидало странное чувство. Состояние Сюй Ли сегодня явно отличалось от обычного, и, повинувшись внутреннему порыву, он решил написать ему.

Он откинулся на спинку кресла и открыл чат. Его длинные пальцы ритмично застучали по столешнице. Он на мгновение замер, поджав губы; на лбу залегла складка — в душе шевельнулось досадное чувство, будто он выбрал не те слова.

Луис: Я верну тебе деньги.

Лизи любит апельсины: Бог Лу, не нужно.

Он хотел сказать совсем не это. Иян подался вперед, выпрямив спину. Глядя в знакомое окно чата сосредоточенным взглядом, он вновь ощутил укол сожаления.

Столь быстрый ответ Сюй Ли заставил его замереть. Он выглядел озадаченным. Пальцы перестали барабанить по столу, он нахмурился. Он пристально вглядывался в экран, перебирая в голове возможные варианты.

Ответ был ожидаем, но Лу Ияну показалось, что в нем сквозит какая-то неестественная холодность. Не было привычной легкости, и даже любимые Сюй Ли стикеры куда-то исчезли.

Помедлив, он доверился интуиции.

Луис: У тебя что-то случилось?

Сюй Ли сидел, ссутулившись, и злился. Негативные эмоции взяли верх, и его ответы прозвучали сухо.

Ему было стыдно и горько от собственного бессилия. Прижимая к себе кота, он чувствовал усталость. Увидев вопрос, Сюй Ли замер.

Он был озадачен: неужели он вел себя настолько очевидно? Перебрав в памяти события вечера, он не нашел ничего, что выдало бы его тоску. Стало любопытно, как Бог Лу это понял.

Лизи любит апельсины: Бог Лу, как ты догадался?

Он лениво погладил Сиси, опустив глаза в ожидании ответа.

Луис: Почувствовал.

Луис: Если тебе плохо, можешь поделиться со мной.

Рука Сюй Ли замерла на мягкой шерстке. Он смотрел на сообщение, и вдруг в носу защипало. Обида хлынула наружу, а вместе с ней — острое желание выговориться.

Слова матери оставили в душе глубокий след. Он честно пытался сохранять внешнее спокойствие, но сочувствие Лу Ияна пробило брешь в его защите.

Мама то и дело заводила разговоры о его «болезни». Ее полные отвращения взгляды, брезгливый тон — каждый раз это было как удар ножом. Рана кровоточила, а ему даже не к кому было пойти со своей болью.

Сестра и так сделала для него слишком много. Работа в лаборатории изматывала ее, она крутилась как белка в колесе, и он просто не мог позволить себе стать для нее лишней обузой. Не хватало еще, чтобы она, помимо бесконечных дел, мучилась тревогами за него.

Дядя Ван относился к нему прекрасно, и Сюй Ли меньше всего хотел стать причиной разлада в его семье. Дядя должен прожить с матерью всю жизнь, и Сяо Ли не имел права заставлять его выбирать между ними.

Из-за этой «болезни» в школе на него вечно тыкали пальцем. Одноклассники держались на расстоянии, а после выпуска связь и вовсе оборвалась — все молча предпочли забыть о его существовании.

Единственным близким человеком для Сюй Ли всегда была сестра. С одной стороны, одиночество его не пугало, но Сюй Цин постоянно переживала, как бы он совсем не замкнулся в себе.

Он пробовал влиться в коллектив, но тщетно. В конце концов сестра оставила попытки социализировать его силой, лишь уговорила заняться стримингом, чтобы он хоть как-то взаимодействовал с миром и не чувствовал себя окончательно выброшенным за борт.

За годы стриминга у многих завязались дружеские связи, и только Сюй Ли подсознательно держал дистанцию. У него не было близких друзей.

Ему казалось, что так лучше. У него были фанаты — его маленькие ангелы, которых он искренне любил. Но порой одиночество становилось осязаемым. В моменты боли ему было некуда нести свою печаль.

Сегодня событий было слишком много. Спокойные, искренние слова Бога Лу растрожили что-то в груди.

Сюй Ли опустил взгляд на Сиси, дремавшего у него на коленях. Пальцы ласково перебирали

кошачью шерсть, а длинные ресницы отбрасывали густую тень на щеки.

В обществе Лу Ияна он всегда чувствовал себя на удивление легко. Сяо Ли моргнул, на мгновение задумался и все же решился набрать сообщение.

Втайне он жаждал поддержки, чьей-то силы, которая помогла бы ему выстоять. Словно робкий котенок, Сюй Ли осторожно выпустил коготки, пытаясь выбраться из своей тесной раковины.

Лизи любит апельсины: Просто увидел кое-что... и теперь не по себе.

Лизи любит апельсины: Бог Лу, а как ты относишься к парням, которым нравится женская одежда?

Сюй Ли замер, глядя на отправленное сообщение. А потом, словно в отчаянном порыве или окончательно сдавшись, добавил:

Лизи любит апельсины: Понимаешь... есть один человек. Он любит носить женское, но родные его не понимают. В школе его травили, он чуть не бросил учебу. Родители даже развелись из-за этого. Он пытался измениться, правда, но понял, что только в женском платье чувствует себя в безопасности. Бог Лу, скажи... неужели это и правда «болезнь»?

Сюй Ли в оцепенении смотрел на этот текст. Раскаяние накрыло его почти мгновенно. Он в бессилии отложил телефон и крепко сцепил пальцы — так, что костяшки побелели.

Его колотила дрожь. Он был напряжен: до смерти боялся услышать «не тот» ответ, но в глубине души надеялся на чудо. Сиси шевельнул хвостом, почувствовав напряжение хозяина, и он на мгновение склонил голову, натянуто улыбнувшись.

Признание далось ему легче, чем он ожидал. В этом была и горечь, и странное облегчение. Он не сводил глаз с экрана, чувствуя себя утопающим, который из последних сил цепляется за щепку.

Чат безмолвствовал. Время тянулось невыносимо долго. Сюй Ли следил, как прыгают цифры на часах, и сердце его сжималось в тисках ожидания.

Он закрыл глаза, в памяти замелькали обрывки воспоминаний. Наконец, он снова взглянул на экран, готовый выслушать любой приговор.

Лу Иян прочитал сообщения, и его пальцы замерли. Он нахмурился.

Что-то в этих словах казалось ему неправильным. Помолчав, он сохранил на лице привычную маску спокойствия и начал медленно, взвешивая каждое слово, набирать ответ.

Луис: В современном мире интернет стер многие границы. Парни в женской одежде встречаются на каждом шагу, и в сети к этому относятся лояльно. Но это скорее погоня за хайпом — людям за экранами все равно, их это не касается, они просто смотрят шоу.

Луис: Но в реальной жизни все иначе. Стоит кому-то из окружения проявить такую «инаковость», как он тут же становится объектом любопытства и пересудов. Те самые люди, что в сети кричат о толерантности, в лицо могут назвать тебя ненормальным. Главная проблема в том, что большинство родителей не способны это принять. Для них это дикость, вызов устоям. Они всегда будут считать это «болезнью».

Лу Иян прервался. Он взглянул на свои ноги, почувствовав боль, но быстро взял себя в руки. Вспомнив взгляды — жалостливые, любопытные, — которые он ловил на себе после аварии, он сжал губы и холодно закончил мысль:

Луис: Наше общество не умеет прощать «непохожесть».

Сиси тихонько мякнул, словно чувствуя, как натянуты нервы хозяина. Сюй Ли продолжал гладить его, стараясь унять дрожь.

Телефон завибрировал. Он быстро пробежал глазами текст, и на губах появилась горькая усмешка. Ответ был честным, рассудительным... но совсем не тем, на который он надеялся.

Сюй Ли почувствовал себя потерянным. «Чего же ты ждал?» — спросил он себя.

Ему отчаянно хотелось спросить: «А ты? Смог бы ты принять такое?»

Пальцы занесли над клавиатурой, но он вовремя остановился. Что, если Бог Лу тоже не сможет принять его настоящего?

Сюй Ли не решился развивать тему. В душе поселилась глухая тоска. Сменив тактику, он попытался увести разговор в сторону.

Лизи любит апельсины: Бог Лу, а у тебя были в жизни преграды, которые ты так и не смог преодолеть?

Лу Иян нахмурился. В глубине его темных глаз промелькнула тень страдания. Он невольно сжал кулак, но тут же заставил себя расслабиться.

Глядя на вопрос, он словно мысленно вздохнул и кратко ответил:

Луис: А у кого их нет?

Сюй Ли подпер подбородок рукой. Этот ответ не вязался с его образом «всемогущего» Бога Лу. Он удивленно приподнял брови. Неужели? У Бога Лу есть неразрешимые проблемы?

Любопытство взяло верх. Как человек, который на стримах кажется непобедимым, может пасовать перед чем-то в реальности?

Лизи любит апельсины: Не может быть! Бог Лу, ты же такой крутой, кажется, тебе все по плечу.

Лизи любит апельсины: [шокированный стикер]

Лу Иян грустно усмехнулся. Если бы он и впрямь был всемогущ... Тело напряглось, в памяти яркой вспышкой пронеслись кадры той аварии.

Он хотел было что-то написать, но резкая трель телефонного звонка заставила его вздрогнуть.

Посмотрев на определившийся номер, он помолчал несколько секунд, прежде чем нажать кнопку приема.

<http://bllate.org/book/17456/1659335>